

Философское мышление на пути к свободе*

© 2024 г. Е.В. Косилова

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, 119991, Ленинские горы, д. 1.*

*E-mail: implicatio@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2261-7680>*

Поступила 20.04.2024

В статье рассматривается один из способов достижения философской истины – внутренняя свобода субъекта. Учения эволюционной эпистемологии и радикального конструктивизма рассматривают мышление как средство адаптации. Наилучшим мышлением оказывается такое, благодаря которому организм выживает и оставляет максимум потомства. Свобода мышления в таких учениях отсутствует, оно детерминировано мозгом и его адаптационными задачами. Однако на более высоком уровне анализа личности человека можно говорить о свободе. Хайдеггер устанавливает неразрывную связь между свободой и истиной: свобода есть допущение бытия сущего. Только допустив его бытие, познающий субъект может адекватно познавать. Это требует отказа от власти, от овладения миром, от его употребления в качестве инструмента. Аналогично рассуждает Марион в учении о насыщенном феномене. Однако такого рода свободу можно назвать внешней. Автор вводит понятие внутренней свободы. Она также неразрывно связана с истиной, и теперь это истина самопознания. Самопознание требует нетривиальных подходов, как это показал психоанализ. В статье рассматриваются учение Д. Винникотта об истинном и ложном Я и теория «сдачи» Э. Гента. Наибольшим препятствием к самопознанию, согласно Генту и другим теоретикам, являются психологические защитные барьеры. Они позволяют нам вытеснить мысли о себе, которые для нас неприятны и подрывают уверенность в себе. Тем самым мы отчуждаемся от нашего истинного Я. В теории «сдачи» Гента описано разрушение защитных барьеров и внутреннее освобождение Я. Внешне и внутренне свободное философское мышление – это не доказательство заранее известной истины, а блуждания (Хайдеггер). Подлинное философское вопрошание заранее не знает, куда придет, но на пути блужданий в созерцательном состоянии анализирует то, что ему открывается.

Ключевые слова: эволюционная эпистемология, радикальный конструктивизм, психоанализ, экзистенциальная философия, свобода, внутренняя свобода, истина, Хайдеггер, Марион, Винникотт, Гент, бессилие, сдача.

DOI: 10.21146/0042-8744-2024-10-187-197

Цитирование: *Косилова Е.В.* Философское мышление на пути к свободе // Вопросы философии. 2024. № 10. С. 187–197.

* Автор выражает благодарность Марии Надршиной за ценные замечания относительно психоаналитических теорий.

Philosophical Thinking on the Way to Freedom

© 2024 Elena V. Kosilova

*Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie Gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.*

*E-mail: implicatio@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2261-7680>*

Received 20.04.2024

The article considers one of the ways to achieve philosophical truth – the inner freedom of the subject. The doctrines of evolutionary epistemology and radical constructivism equate thinking with a means of adaptation. The best thinking is the one, thanks to which the organism survives and leaves maximum offspring. Freedom of thinking in such doctrines is absent, it is determined by the brain and its adaptive tasks. However, at a higher level of analyzing the human personality, one can speak of freedom. Heidegger establishes an inseparable connection between freedom and truth: freedom is “letting beings be”. Only by letting this the cognizing subject can adequately cognize. This requires the renunciation of power, of mastery over the world, of its use as an instrument. Marion argues similarly in the doctrine of the saturated phenomenon. However, this kind of freedom can be called external. The notion of inner freedom is introduced. It is also inseparable from truth, and is now the truth of self-knowledge. Self-knowledge requires non-trivial approaches, as psychoanalysis has shown. The article discusses the teaching of D. Winnicott on the true and false self and the theory of E. Ghent of “surrender”. The greatest obstacle to self-knowledge, according to Ghent and other theorists, are psychological defense barriers. They allow us to displace thoughts about ourselves that are unpleasant to us and undermine our self-confidence. In doing so, we alienate ourselves from our true Self. Ghent’s theory of “surrender” describes the breaking down of defense barriers and the inner liberation of the Self. Outwardly and inwardly free philosophical thinking is not the proof of a pre-known truth, but wandering (Heidegger). Genuine philosophical questioning does not know in advance where it will arrive, but on the way of wandering in a contemplative state it analyzes what is revealed to it.

Keywords: evolutionary epistemology, radical constructivism, psychoanalysis, existential philosophy, freedom, inner freedom, truth, Heidegger, Marion, Winnicott, Ghent, powerlessness, surrender.

DOI: 10.21146/0042-8744-2024-10-187-197

Citation: Kosilova, Elena V. (2024) “Philosophical Thinking on the Way to Freedom”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2024), pp. 187–197.

Введение

В наш век конструктивистских и эволюционистских учений о познании, в век нейрофеноменологии и психофизиологии, вопрос о подлинном бытии человека и о природе философского мышления отошел на второй план. Все больше философов принимают точку зрения эволюционной эпистемологии [Матурана, Варела 2019; Лоренц 1997; Фоллмер 1998]: мы мыслим мозгом, а мозг – результат адаптации к окружающей среде с целью наилучшего выживания (более того, эволюционный критерий – это не само выживание, а оставление потомства). Достаточно много аргументов приведено для

точки зрения, что в такой парадигме невозможна свобода [Сапольски 2019]. Мозг – физический орган, он работает в мире каузальной замкнутости физического. Что мы можем сделать сами и кто такие мы сами, если не мозг – на эти вопросы трудно ответить, не впадая в противоречия. Я не буду уходить в философию сознания и начну с некоторых рассуждений о свободе скорее в экзистенциальном смысле, отталкиваясь от предположения, что личность может обращаться к себе, управлять собой и стремиться к саморазвитию.

В центре моих рассуждений – вопрос о свободе и даже о счастье. Приводит ли биологическая адаптация к счастью? К ощущению подлинного бытия и самореализации? Приводит ли адаптация к философскому размышлению? Последнее точно нет. И как понимать подлинное философское мышление, если оно не ориентировано на получение биологических преимуществ для размножения? Грубо говоря, преподаватель философии стремится стать профессором, получать хорошую зарплату, иметь кроме жены еще несколько любовниц и т.п. Для этого он развивает модную woke-теорию. Именно к такой картине философии приводит парадигма эволюционной эпистемологии или радикального конструктивизма [Глазерсфельд, 2001]. Но мы же не это считаем философским мышлением.

Аналогично обстоит дело с искусством, религией, наукой... Очень многие высшие произведения человеческого духа явным образом бескорыстны. Именно о некотором типе бескорыстия я и хочу поразмышлять.

Начну издалека.

Сдача

Речь пойдет об известной в психоанализе статье Э. Гента «Мазохизм, подчинение, сдача» (Ghent Emmanuel. *Masochism, Submission, Surrender*) [Ghent 1990]. Здесь автор пользуется английским словом *surrender*, которое можно перевести как «сдача», «капитуляция», «отказ», «уступка», «подчинение» и т.д. Я буду переводить «сдача». Автор дает собственное определение этого термина: «Значение, которое я придаю термину *surrender*, не имеет ничего общего с поднятием белого флага; на самом деле, вместо того, чтобы нести коннотацию поражения, этот термин будет передавать качество освобождения и расширения личности как следствие разрушения защитных барьеров» [Ghent 1990, 108]. «Новая возможность размораживания», – цитирует Э. Гент Д. Винникотта [Ibid., 110].

Важно выяснить, о каких защитных барьерах речь.

Гент рассуждает в русле психоанализа. Понятие психической защиты ввел еще Фрейд, позже его разрабатывали А. Фрейд, А. Адлер многие другие, оно перешло и в современную психотерапию; см., например: [Вербина 2010]. Общая идея психологической защиты заключается в том, что человек не хочет признавать, что что-то в его жизни неправильно, забывает об этом или представляет это в более выгодном свете, так, чтобы это было легче пережить («неправильно» – слово не из словаря психоаналитиков, но я рассуждаю с позиции экзистенциальной философии). Люди вытесняют неприятные воспоминания, отрицают свои эмоции, стараются переключиться с тяжелых ситуаций на те, что доставляют удовольствие и т.п. Все мы часто не видим своих недостатков и не думаем о своих не лучших поступках. Мы стараемся подать другим наше Я в красиво оформленном виде. Именно это имеет в виду Гент, когда пишет о защитных барьерах. Это отгораживание самих себя от части своей природы и своей истории. Барьеры помогают выживанию и ощущению уверенности в себе, но препятствуют самопознанию. А без самопознания подлинное бытие невозможно.

Очень важный автор – Д.В. Винникотт, Гент на него часто ссылается. Это психоаналитик, много взявший у М. Кляйн, занимавшийся в основном детьми, ролью матери в формировании психики ребенка, ролью игры в переходе от фантазий к реальности и другими аспектами жизни ребенка. Он ввел важные понятия: истинное Я и ложное Я [Винникотт 2006; Winnicott 1988]. Примерно это противопоставление соответствует

фрейдовскому различию между принципом удовольствия (=фантазии) и принципом реальности. По Фрейду, ребенок живет в мире фантазии, взрослый – в мире реальности, переход от первого ко второму совершается в течение детства, он болезнен, но необходим. Для Фрейда взрослый, живущий в мире фантазии, является незрелой личностью или даже больным.

Винникотт меняет эту схему. Истинное Я формируется в раннем детстве и непосредственно связано с принципом удовольствия и фантазии. Любой человек лелеет надежду на некое блаженство, которое он испытывал когда-то и стремится испытать еще, причем слова «лелеять надежду» здесь не случайны (разумеется, я пересказываю Винникотта русскими оборотами речи). Истинное Я мы именно лелеем. Оно скрыто от внешних глаз, оно находится в глубине души. Там у нас таятся наши подлинные надежды, наши глубочайшие стремления и переживания. Рассказать о них можно только очень близкому человеку. Более того, нередко они совершенно бессознательны и скрыты от нас самих. Психоналитики стремятся вывести эти стремления и переживания на свет, чему по сути посвящена значительная часть психоаналитической литературы.

Соответственно, ложное Я – это внешняя, адаптированная к социальной жизни более поздняя конструкция. Оно может формироваться согласно требованиям родителей, если те не откликаются на эмоциональные потребности ребенка. Вероятно, продолжает его формирование социум, школа и т.д. Это Я перешло от принципа фантазии к принципу реальности, оно знает, как надо действовать в мире, что говорить, каким казаться. Это – во многом роль, маска, кажимость. Именно ложное Я ставит все барьеры, о которых шла речь выше. Ему свойственно все, что нужно для адаптации: ловкость, хитрость, гибкость, приспособляемость и т.д. На пути ложного Я можно достичь в жизни многого, но только не подлинного удовлетворения и не самореализации, потому что это в задачу ложного Я не входит, это дело истинного Я. Истинное Я никогда не исчезает. Оно может быть глубоко спрятано, человек может не осознавать собственного раскола, но прекращается истинное Я только вместе с жизнью. Что касается ложного Я, оно тоже, конечно, необходимо, но с ним можно работать и в пределе даже от него отказаться. В пример можно привести условных святых и мистиков, не ищущих земных благ. Однако Винникотт не идет так далеко. Он призывает интегрировать эти два Я, возложив на истинное Я постановку целей, а на ложное Я – поиск средств.

(Кстати, надо упомянуть, что Винникотт оказал большое влияние на теорию шизофрении Р. Лэйнга. По Лэйнгу, шизофрения наступает, когда ресурсов бытия не хватает на интеграцию истинного и ложного Я. Тогда человек отказывается от ложного Я (от истинного Я отказаться невозможно) и живет в мире фантазии. Отказаться от ложного Я для не тренированного специально человека – это значит отказаться от всякой приспособленности к жизни, от всякой социальности и даже от собственного тела [Лэйнг 2021]).

Что же происходит во время сдачи, как ее описывает Гент? Сдача – это требование истинного Я отказаться от слишком высоких защитных барьеров ложного Я, приводящих к экзистенциальному одиночеству и тоске. Защитные барьеры разрушаются, наступает беззащитность, обнаженность души, однако тут же оказывается, что мир не столь враждебен, как казалось. Наступает гармония с миром, согласие с ним, а потом и любовь к нему. Из-за возведенных защит нельзя установить сердечную связь с Другим. Но мы все этого хотим, потому и мечтаем о сдаче. Гент пишет о познании (нас Другим), о проникновении (в нас Другого) ради соединения, а не ради господства. Сдача – это «стремление быть достигнутым и познанным в принимающей и безопасной среде» [Ghent 1990, 118]. Понятно, что, будучи психоаналитиком, он много пишет, что такую среду должен создать аналитик для пациента. Но и в жизни нужна более или менее безопасная среда. Чаще всего тут речь идет или о близком друге, или о любимом человеке. Именно в этих случаях особенно хочется раскрыться и не защищаться. Однако надо искать, так сказать, подлинных друзей и выстраивать подлинные отношения с любимыми. Это отдельное экзистенциальное искусство, и сейчас речь не об этом.

Вот как описывает сдачу Гент.

«1. Это не обязательно требует присутствия другого человека, разве что в качестве проводника. Можно сдать «в присутствии другого», а не «другому», как в случае с подчинением.

2. Сдача не является добровольным действием. Человек не может выбрать сдачу, хотя может выбрать подчинение. Можно создать благоприятные условия для сдачи, но нельзя заставить ее произойти.

3. Она может сопровождаться чувством ужаса и смерти, и/или ясностью, облегчением, даже экстазом.

4. Это опыт пребывания «в моменте», полностью в настоящем, где прошлое и будущее – два времени, требующие «ума» в смысле вторичных процессов, – отступают от сознания.

5. Ее конечное направление – открытие своей идентичности, своего самоощущения, своего чувства целостности, даже своего чувства единства с другими живыми существами. Это совсем не похоже на подчинение, при котором происходит обратное: человек ощущает себя марионеткой во власти другого, его чувство идентичности атрофируется.

6. В сдаче отсутствуют господство и контроль; в случае с подчинением все наоборот.

7. Ее легко спутать с подчинением и часто смешивают с ним в целях эксплуатации. Безусловно, в жизни они часто встречаются вместе. Учитывая главный тезис данной статьи, согласно которому подчинение следует рассматривать как защитный мутант сдачи, такое сопоставление не должно удивлять (тем не менее по своей сути они очень разные).

8. Различие, которое я провожу между сдачей и подчинением, помогает прояснить еще одну пару, которую часто путают. Смирение (*resignation*) сопровождается подчинением; оно тяжело и тоскливо. Принятие же может произойти только при сдаче. Оно выходит за пределы условий, которые его вызвали. Оно радостно по духу и, как и сдача, происходит само; его нельзя заставить произойти» [Ibid., 111].

«Желание сдать <...> это противостоять и принять внутреннюю истину, воспринимать себя и других такими, какие они есть на самом деле, то есть безотносительно к возведенным в них ложным “я-образам”» [Ibid., 128].

Сдача – единичное событие, пиковое переживание. Она относится к тому, что Ясперс называет экзистенциальной пограничной ситуацией. Она может сопровождаться слезами, которые ранее сдерживались, жестами, восклицаниями, сильной эмоциональной реакцией. Жить в состоянии сдачи нельзя. Надо находить новые способы жизни.

Впрочем, слезы, плач, открытое проявление эмоций – интересная тема, которая сейчас начинает занимать и психологов, и философов. Возможно, стоит пересмотреть наши представления о необходимости сдержанности в сторону большей открытости в повседневной жизни. Надо уметь плакать [Carlson, Hall 2011; Wilce 2009; McGuire 2009; Neu 1987].

Бессилие

О бессилии я долго писать не буду, потому что недавно написала о нем целую книгу [Косилова 2023]. Подобно тому, как Гент понимает термин *surrender*, я понимаю бессилие в несколько специальном смысле, из-за нехватки нужных слов. Самое первое определение бессилия – это диаметрально противоположность нищенской воли к власти.

Бессилие – долговременная установка субъекта, она принимается добровольно, хотя изначально обычно присутствует опыт пикового бессилия и сдачи. Субъект отказывается от власти и от присвоения мира, от овладения миром, от самоутверждения в мире, даже от интерпретации мира и построения в нем собственных проектов. Как писал Сартр, «желание познавать, каким бы незаинтересованным оно могло ни казаться,

является отношением присвоения. *Познание* – это одна из форм, которую может принять *обладание*» [Сартр 2000, 583]. Понимание – это тоже форма обладания. Что означает «понять», помимо нейтрального феноменологического «конституировать смысл»? Остановимся на этимологии слова: понять происходит от «поиметь», «по-ять». Так в русском, а также в романских языках (*comprendre*). В германских не так, однако в них есть синоним – «схватить» (*grasp, auffassen, begreifen*) также в значении понимания. Как и в русском, в английском и немецком можно «схватить» мысль. Это так даже в турецком (*kavramak* – и хватать, и понимать). Когда мы понимаем, мы присваиваем себе, мы начинаем обладать, обретаем власть. Это не только этимологические игры. Понимание имеет глубинную связь с властью. По меньшей мере, когда мы владеем идеей, мы можем многое с ней сделать, повернуть так и этак, проинтерпретировать по-своему. Мы присваиваем себе идею, она становится нашей. Сартр называет это «пищеварительной философией» («я эту идею переварил»), имея в виду в том числе Гуссерля и его учение о понимании. Но власть над идеями, как и над миром, препятствует подлинному пониманию и познанию. Властвуя, ты больше не познаешь, ты закрыл себе путь к дальнейшему пониманию, твой мир стал твоим, но перестал быть миром как таковым. Как таковой мир нельзя ни понять, ни присвоить, ни сделать предметом власти.

Как мы видим, у бессилия есть несколько аспектов, до сих пор названы два: экзистенциальное и эпистемическое бессилие. Эпистемическое бессилие по духу близко к «эпистемическому смирению» (*epistemic humility* – набирающее популярность в Америке учение в духе аксиологически ориентированной эпистемологии – эпистемические добродетели, ценности и т.п.) [Kidd 2016].

Что в эпистемическом бессилии важно для нас, философов? Важно не делать той ошибки, о которой пишет Ж.-Л. Марион: «По большей части мы хотим обладать идеей вещи вовсе не для того, чтобы эту вещь видеть, а лишь для того, чтобы удобнее было ею манипулировать. Мы пользуемся идеей как инструментом» [Марион 2014, 84]. Нам важно понять, что идеи можно созерцать, а не использовать. Например, такое отношение к идеям мы можем видеть у Гуссерля. В любом своем тексте он подробнейшим образом разбирает каждую мысль, он изучает и анализирует ее, он напрягает рефлексию, практикует эпохэ – и нигде не пользуется мыслью как инструментом для достижения других мыслей. Он максимально близок к созерцанию идей. Он – как бы странник в их мире, который пришел смотреть, а не завоевывать. Он далеко не сразу понимает, что видит, поэтому его трудно читать. Он пришел без проектов мысли.

К чему ведет такого рода отношение к мыслям и идеям у философа? Как влияет эпистемическое бессилие на философское мышление? Здесь я привлекаю идею Хайдеггера о поиске истины и блужданиях. «Свобода, постигаемая из ин-зистентной экзистенции человека, является сущностью истины (в смысле правильности представления) только потому, что сама свобода происходит из первоначальной сущности истины, *из господства тайны на пути блужданий человека*» [Хайдеггер 1991, 25; курсив мой. – Е.К.].

От поиска истины неотъемлемы вопрошание, сомнения, ошибки и заблуждения. Именно это, мне кажется, имеет в виду Хайдеггер под блужданиями. Ищущая мысль всегда блуждает. Она не знает, куда придет. У нее нет проектов, нет ясного пути из пункта А в пункт Б. Совершенно ошибочно было бы утверждать, что тот, кто блуждает, не умеет мыслить. Уметь мыслить – это уметь оглядываться и смотреть вокруг себя на пути блужданий.

Кстати, блуждания нередко сопровождают и научную работу, даже в естественных науках. Гипотеза есть, предчувствие есть, а факты расположены по-своему, и надо их изучить, чтобы гипотеза стала адекватной. На этом пути могут случаться неожиданные вещи, ведущие к новым гипотезам. В беседах ученые, например, физики, часто говорят: мне пришла в голову гипотеза, но я тут же понял, что это не то, и от нее отказался. Потом пришла другая гипотеза, но пришлось опять отказаться... Плох тот ученый, который уверен в своей правоте и не открыт неожиданностям. И это, конечно, типичные блуждания.

У многих великих философов следы блужданий отражаются в их текстах. Аристотель в *Метафизике*, в Книге 3, перечисляет множество вещей, которые непонятны ему самому. Когда он в главе 6 Книги 7 пишет о «сути бытия», он рассматривает вопрос, является ли суть бытия самой вещью или ее формой, и приводит аргументы и за, и против, по сути, не приходя к окончательному выводу (позднейшие интерпретаторы остановились на варианте формы, но у самого Аристотеля это не так) [Аристотель 2015].

Посмотрим также на заметки Л. Витгенштейна. Вот как он сам описывает свой метод: «Если я думаю только для себя, не желая написать книгу, я прыгаю вокруг темы; это единственный способ мышления, свойственный мне. Выстраивать мысли в упорядоченную последовательность для меня мука. Должен ли я пытаться? Я прилагаю невыносимые усилия, располагая мысли, которые могут не иметь никакого значения» [Витгенштейн 2010, 56]. И еще: «Даже если мы не мыслим по кругу, порой мы идем напрямик через чащу вопросов на открытую местность, порой движемся неторной, извилистой тропой, которая никуда не выводит» [Там же, 118]. Всякий, читавший «Философские исследования» или «Замечания по основаниям математики», видел, что Витгенштейн все время спорит или сам с собой, или с внутренними собеседниками. Свою ведущую мысль он, конечно, знает, но чтобы о ней написать, ему нужны блуждания.

Таким образом, блуждания в философском мышлении есть вид эпистемического бессилия, эпистемического смирения, отказа от власти над мыслями и манипулирования ими. Вспомним идею адаптации, с которой я начала во Введении. Какая награда философу за его блуждания? Очевидно, не внешняя. Ничего во внешнем мире он таким путем не достигает. Может быть, это внутреннее подкрепление, как говорили бихевиористы, внутреннее ощущение правоты, довольства собой, как при совершении доброго поступка? Тоже нет! По Витгенштейну, Гуссерлю, Августину и другим философам блужданий видно, что блуждания мучительны, они часто «никуда не выводят». Но мы благодарны этим философам за то, что они взяли на себя этот тяжкий труд. Блуждания не нужны «зачем-то», блуждания – это модус бытия мышления, если оно хочет разыскать истину. Конечно, это тоже может быть вопросом: «Мышление хочет» – что это значит? Как мышление может само чего-то хотеть, к чему-то стремиться? Но оно так устроено, что радуется даже малейшим проблескам понимания. Что-то понять – это радость именно для самого мышления, а не для субъекта-человека. Это может звучать очень странно, но это факт нашей мыслительной жизни.

Эволюционная эпистемология и радикальный конструктивизм опровергаются по *modus tollens*. Они ведь, по существу, отрицают бескорыстное (и тем более бесцельное) мышление. Но мы видим, что такое мышление есть.

Свобода и истина

Остановлюсь на определении свободы в статье Хайдеггера «О сущности истины»: «Сущность истины есть свобода» [Хайдеггер 1991, 8]. Что тут понимается под свободой? Хайдеггер дает важнейшее определение: «Свобода есть экзистентное, высвобождающее допущение бытия сущего» [Там же].

Слова «допущение бытия сущего» будут для меня ключевыми. И истина, и свобода требуют именно этого. Что значит допустить бытие сущего? Я полагаю, что это именно то, что выше я писала о бессилии: отказаться от претензии на обладание миром, от воли к власти, от господства, от «пищеварительного» понимания. И даже от интерпретации, поскольку «пищеварительное» понимание всегда требует интерпретации. Ницше очень пронизательно указывает, что интерпретация тоже является формой воли к власти: «Воля к власти интерпретирует <...> она устанавливает границы, определяет степени, различия во власти. Простые различия во власти не могли бы еще ощущаться как таковые – тут должно быть еще нечто, желающее расти, которое интерпретирует всякое другое нечто, также желающее расти, в отношении его ценности. В этом – одинаково. В действительности интерпретация сама есть лишь средство достигнуть господства над чем-нибудь» [Ницше 2017, 377].

Допустить бытие сущего означает фактически удалить из сущего всякие собственные претензии и проекты, перейти в некое созерцательное, принимающее состояние. Свобода и подчинение мира себе несовместимы.

После отказа от господства и воли к власти только и можно познать мир. Вот как это выражает В.В. Бибихин: «Я не раньше откуда-то знаю, что такое целый мир, а в согласии мира, когда целый мир для меня такой, что я допускаю ему быть, я только и начинаю знать, какой он» [Бибихин 1995, 84]. И вот он же о самопознании: «Только в мире человек находит себя – видит в мире себя так, что узнаёт себя в согласии мира, видит себя в нем, узнавая раньше всякого знания, что только мир ему место и только мир равен ему – эта волшебна безвольная воля, загадочная бездонность; только ей равен человек в своем существе, только в ней видит родное и только ей, ничему другому и никогда не скажет безусловного “да”» [Там же, 60].

Отказ от господства – это путь к свободе. Господин, тиран или управляющий менеджер на производстве нисколько не свободны. Они поглощены управлением и манипуляциями, они все время беспокоятся, что что-то выйдет из-под контроля. Познавать ту область мира, над которой они имеют власть, им надо только постольку, поскольку она повинуется свойственным ей образом, и им надо предсказывать ее поведение. Это полностью укладывается в парадигму не только радикального конструктивизма, но и классического прагматизма (Пирс). Радикальный конструктивизм приравнивает познание и воздействие, познание и достижение внешних целей. Но это не является настоящим познанием, особенно, как мы видели выше, для философа.

Очень похожие вещи говорятся в религиях, таких как христианство и ислам. Обе религии запрещают судить людей и мир, тем более осуждать. Мир создан Богом, Бог его сотворил таким, какой он есть, не дело человека судить и перedefлять мир. Это – вмешательство не в свои дела. Судить и улучшать можно только самого себя.

Конечно, полностью отказаться от суждения, понимания-схватывания и интерпретации невозможно. Нельзя вечно находиться в созерцательном состоянии. Надо работать, надо воспитывать детей, да и внести в мир какие-то улучшения возможно – посадить цветы вокруг дома, например. Или изобрести новое лекарство. Не хочется думать, что это посягательство на волю Бога. Так что и бессилие, и допущение бытия сущего может быть ценностью, но не может быть тотальной жизненной установкой, разве только для монахов и суфиев.

И тут мы переходим к другому пониманию свободы.

Свобода внешняя и внутренняя

Хайдеггеровское допущение бытия сущего приводит к внешней свободе, к подлинному познанию мира, с интересом и любовью к нему. Свобода тут понимается не как свобода выбора из максимального количества вариантов. Этого может и не быть, мы можем быть стеснены в выборе. Это свобода от того, что некоторым образом для нас лишнее, то есть от власти, обладания, контроля. И это свобода для познания и для любви к миру и людям.

Однако есть другая сторона свободы. Она тоже связана с истиной, но тут речь пойдет больше об истине самопознания. Это свобода внутренняя.

Что такое внутренняя свобода? Это словосочетание употребляется довольно часто, но я не встречала определения. При этом человек не может избежать самого себя и жить без себя, он сам для себя тоже в некотором смысле мир, требующий познания. И все, что было выше сказано о тождестве истины и свободы через принятие касается и отношения человека к самому себе. Если мы готовы отказаться от власти над миром, мы придем к самим себе непременно. Если мы готовы отказаться от проектов, то мы остаемся в точке настоящего, здесь и сейчас, в которой есть только мы сами.

Как быть свободным в отношении самого себя? Имеет ли смысл вообще такая постановка вопроса? Кажется бы, сами внутри себя мы уж точно свободны, пребывая

во «внутреннем мире» фантазии, думая о чем угодно. Для некоторых людей творчества это, думаю, так и есть.

И здесь связь истины и свободы показывает еще одну грань. А именно, не только свобода нужна для истины, но и истина – для свободы. Внутренняя истина – это истина самопознания. Поэтому внутренняя свобода достигается через самопознание. А это, как показывает нам психоанализ, вещь далеко не тривиальная.

Мы естественным образом пришли к тому, с чего начали. Для самопознания необходимо принятие себя, без этого, без согласия быть таким, какой ты есть, будет отталкивание от собственной природы, и это, конечно, сделает самопознание трудным и даже невозможным. А принять себя таким, какой ты есть, мешают как раз те защитные барьеры, о которых говорит психоанализ, в том числе Э. Гент. Мы воздвигаем их ради взглядов других людей, но настолько сливаемся и идентифицируемся с ними, что они гораздо больше становятся барьерами для нас самих. Нам не столько жутко стать слабыми среди других, сколько принять собственную слабость. Или глупость, или малодушие.

Сдача, о которой пишет Гент, приводит к отказу от ложного Я и к возврату к подлинному себе. Она открывает доступ к истинному Я как к источнику жизненных сил. Она и является дверью к внутренней свободе. Ты можешь принять самого себя, и тем самым ты открываешься миру. Быть в гармонии с самим собой, как бы ты ни был несовершенен, означает общую гармонию, гармонию с Другими (как бы они ни были несовершенны). Это опять допущение бытия сущего, только теперь это сущее – мы сами, затем другие люди, и, наконец, бытие мира – все это связанные вещи, ведь и логика говорит, что мы сами – часть мира. Принятие мира ведет к терпимости, открытости другим мнениям, увеличению понимания.

Теперь стало более ясно, что такое внутренняя свобода. Это допущение бытия самих себя, отказ от защитных барьеров, обращение лицом к истинному Я.

Это, конечно, совершенно не значит во всем одобрять себя и любоваться собой. Было бы глупо делать такой вывод. Например, ребенок может капризничать, поступать жестоко, может лгать, грубить и т.д. Дети не ангелы. Но мать и отец любят ребенка. Они, естественно, хотят, чтобы он был. Они могут стремиться переделать его, исправить. Могут и наказывать, но это делается из любви. Недовольство поступками ребенка у нормальных родителей ведь не переходит в отрицание его бытия, в слепоту к его бытию. Наоборот, им важно знать его как можно лучше, чтобы эффективнее действовать ему во благо. Вот и отношение к самому себе, как я думаю, может быть похоже на отношение к ребенку. С одной стороны, это принятие, это желание, чтобы ты был. С другой стороны, самовоспитание, самоисправление и т.д. Но это, в сущности, другая тема, скорее, этическая.

Интересно, что в психоанализе есть такие отдельные теории и такие авторы, которые очень близко подходят к экзистенциальной аналитике. Обычно, когда говорят о совмещении психоанализа и экзистенциализма, называют Ж.-П. Сартра, Л. Бинсвангера, М. Босса. На всех них так или иначе повлияли и Фрейд, и Хайдеггер. Они хотели изучать глубинное бытие человека, при этом отказываясь от традиционного для классического психоанализа редуционизма, допуская свободу. Однако мы видим и другие варианты психоаналитических размышлений, в основе которых лежат экзистенциальные мотивы. Таков Д. Винникотт, таков рассмотренный мною Э. Гент. У них речь идет именно о бытии в мире, в сущности, о бытии *Dasein*. Рассмотреть экзистенциальные проблемы, учитывая психоаналитические идеи – это еще не до конца решенная задача.

Заключение

Моя статья может показаться чем-то вроде очерка психотерапии для философов. Наверное, и это неплохой вариант, но я хотела большего. Вопрос о бытии Я без власти и без защит – вопрос о природе человека. Психотерапия разрабатывает средства, вопрос о целях – вопрос к экзистенциальной философии. Нужна ли нам свобода? И что

это такое? Я полагаю, вопрос о внутренней свободе человека относится именно к сфере философского размышления.

Наверное, бессилие и сдача – не единственный путь к достижению свободы и истины. Кто-то может отказаться от власти, махнуть рукой на психологические защиты, но при этом быть не заинтересованным ни в познании, ни в самопознании. Например, я не рассмотрела бытие творческого человека: романиста, поэта, музыканта. Они преданы миру фантазии. Они сводят свои глубинные интуитивные образы к формам искусства, придают им плоть, так сказать. Их бытие подлинно и свободно. Это отдельная очень важная и трудная тема: вопрос об истине искусства. Я также не рассмотрела способ существования мистиков, хотя для себя имела его в виду. Вероятно, есть много видов внутренней свободы.

В данном случае речь шла преимущественно о мышлении философа. Я приняла без обсуждения, что философское мышление не является доказательством заранее известной истины, оно блуждает, не зная, куда придет. Вообще-то это не всегда так. Гегель, Платон, Спиноза не блуждали. Есть философы, которые заранее имеют идею и доказывают ее. Если они не гениальны, как Гегель, то нередко результаты бывают плачевными. Р. Карнап, например, имел идею преодоления метафизики, он доказывал ее, продемонстрировав и непонимание, и натяжки, и противоречие самому себе. Он не останавливался, чтобы взглянуть в сущее и допустить его бытие. И таких мыслителей немало. Они иногда интересны, но часто ограничены.

Поэтому я думаю, что бессилие как отказ от власти, в том числе над идеями, и сдача, как путь к самопознанию и внутренней свободе – все это для философа очень полезно. Это раскрывает его к миру, придает гармонию, а вместе с ней настоящее понимание, лишенное субъективной интерпретации. Опять же, совсем без интерпретации нельзя. Вся современная когнитивная наука, да и гуссерлевская феноменология, и герменевтика Гадамера говорят об этом. Избавление от субъективности – идеал и ценность, а не реальность. Мне думается, что этот идеал стоит того, чтобы о нем размышлять в различных аспектах.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Аристотель 2015 – *Аристотель*. Метафизика / Пер. с др.-греч. А.В. Кубицкого. М.: Эксмо, 2015 (Aristotle, *Metaphysics*, Russian Translation).

Бибихин 1995 – *Бибихин В.В.* Мир. Томск: Водолей, 1995 (Bibikhin, Vladimir V., *The World*, in Russian).

Винникотт 2006 – *Винникотт Д.В.* Искажение Эго в терминах истинного и ложного Я / Пер. с англ. Т.В. Снегиревой под ред. Е.В. Загородной // Консультативная психология и психотерапия. 2006. Т. 14. № 1. URL: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/2006_n1/1721 (Winnicott, Donald W., *Ego Distortion in Terms of True and False Self*, Russian Translation).

Витгенштейн 2010 – *Витгенштейн Л.* Культура и ценность. О достоверности / Пер. с англ. Л. Добросельского. М.: АСТ: Астрель, 2010 (Wittgenstein, Ludwig, *Culture and Value*, Russian Translation).

Глазерсфельд 2001 – *Глазерсфельд Э., фон*. Введение в радикальный конструктивизм / Пер. с нем. С.А. Цоколова // Вестник Московского Университета. Серия 7: Философия. 2001. № 4. С. 59–81. URL: <http://philosophystorm.org/node/12157> (Glaserfeld, Ernst von, *Radikaler Konstruktivismus*, Russian Translation).

Лоренц 1997 – *Лоренц К.* Кантовская доктрина априори в свете современной биологии / Пер. с англ. А. Толстой // Человек. 1997. № 5. С. 19–41 (Lorenz, Konrad, *Kant's Doctrine of the A Priori in the Light of Contemporary Biology*, Russian Translation).

Лэйнг 2021 – *Лэйнг Р.Д.* Расколотое «Я» / Пер. с англ. В. Желнинова. М.: АСТ, 2021 (Laing, Ronald D., *Divided Self*, Russian Translation).

Марион 2014 – *Марион Ж.-Л.* Насыщенный феномен / Пер. с фр. С.А. Шолоховой // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / Сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская. М.: Академический проект, Гаудеамус, 2014 (Marion, Jean-Luc, *In Excess: Studies of Saturated Phenomena*, Russian Translation).

Матурана, Варела 2019 – *Матурана У., Варела Ф.* Древо познания. Биологические корни человеческого понимания / Пер. с исп. Ю.А. Данилова. М.: УРСС; ЛЕНАНД, 2019 (Maturana, Humberto,

Varela, Francisco, *El árbol del conocimiento: las bases biológicas del entendimiento humano*, Russian Translation).

Ницше 2017 – *Ницше Ф. Воля к власти* / Пер. с нем. Г.А. Рачинского. М.: Эксмо, 2017 (Nietzsche, Friedrich, *Der Wille zur Macht*, Russian Translation).

Сапольски 2019 – *Сапольски Р. Биология добра и зла: как наука объясняет наши поступки* / Пер. с англ. Ю. Аболиной, Е. Наймарк. М.: Альпина нон-фикшн, 2019 (Sapolsky, Robert M., *Behave: The Biology of Humans at Our Best and Worst*, Russian Translation).

Сартр 2000 – *Сартр Ж.-П. Бытие и ничто* / Пер. с фр. В.И. Колядко. М.: Республика, 2000 (Sartre, Jean-Paul, *L'être et le néant*, Russian Translation).

Фоллмер 1998 – *Фоллмер Г. Эволюционная теория познания: врожденные структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки* / Пер. с нем. А.В. Кезина. М.: Русский Двор, 1998 (Vollmer, Gerhard, *Evolutionäre Erkenntnistheorie*, Russian Translation).

Хайдеггер 1991 – *Хайдеггер М. О сущности истины* / Пер. с нем. З.Н. Зайцевой // *Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. Сборник* / Под ред. А.Л. Доброхотова. М.: Высшая школа, 1991 (Heidegger, Martin, *Vom Wesen der Wahrheit*, Russian Translation).

Ссылки – References in Russian

Вербина 2010 – *Вербина Г.Г. Введение в психоанализ*. Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2010.

Косилова 2023 – *Косилова Е.В. Бессилие*. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2023.

References

Carlson, Kelly, Hall, Joanne M. (2011) “Exploring the Concept of Manliness in Relation to the Phenomenon of Crying. A Bourdieusian Approach”, *Journal of Holistic Nursing*, Vol. 29 (3), 189–197.

Ghent, Emmanuel (1990) “Masochism, Submission, Surrender”, *Contemporary Psychoanalysis*, Vol. 26, No. 1, 108–136. DOI: 10.1080/00107530.1990.10746643.

Kidd, Ian J. (2016) “Inevitability, Contingency, and Epistemic Humility”, *Studies in History and Philosophy of Science*, Part A, Vol. 55, pp. 12–19. DOI: 10.1016/j.shpsa.2015.08.006.

Kosilova, Elena V. (2003) *Powerlessness*, Kanon + ROOI Reabilitatsia, Moscow (in Russian).

McGuire, Kathy (2009) “Why Cry?” *Part 4: Crying for a Vision, Opening Our Eyes to Truth*, URL: <https://www.cefocusing.com/wordpress/why-cry-part-4-crying-for-a-vision-opening-our-eyes-to-truth/>

Neu, Jerome (1987) “A Tear Is an Intellectual Thing”, *Representations*, Vol. 19, pp. 35–61.

Verbina, Galina G. (2010) *Introduction to Psychoanalysis*, Chuvash University Publ., Cheboksary (in Russian).

Wilce, James M. (2009) *Crying Shame: Metaculture, Modernity, and the Exaggerated Death of Lament*, Blackwell Publishing, Chichester.

Winnicott, Donald W. (1988) *Human Nature*, Routledge, New York; London.

Сведения об авторе

КОСИЛОВА Елена Владимировна – доктор философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Author's Information

KOSILOVA Elena V. – DSc in Philosophy, Associate Professor at the Department of Ontology and Theory of Cognition, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.